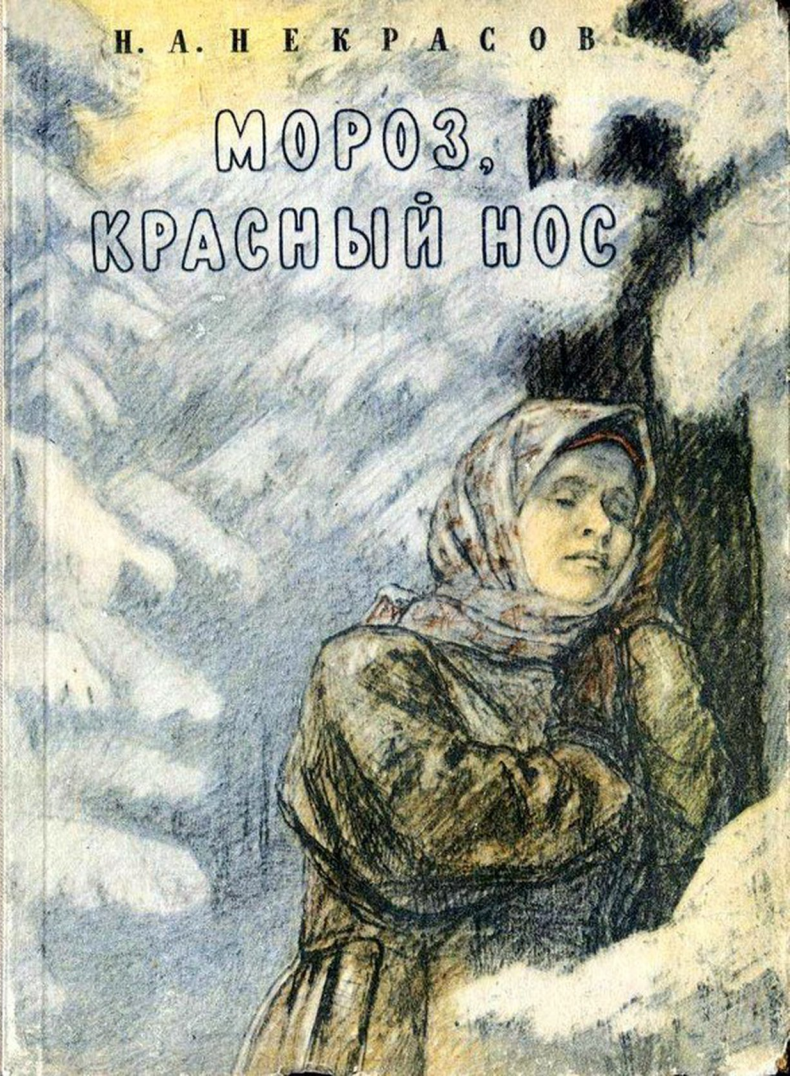
Н. А. НЕКРАСОВ

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Мороз, Красный нос

Николай Алексеевич Некрасов

Аннотация
Николай Некрасов. Мороз, Красный нос
Часть первая. Смерть крестьянина
Часть вторая. Мороз, Красный нос
Корней Чуковский. О поэме «Мороз, Красный нос»
I
II
III

Аннотация

Мороз, красный нос — поэма Николая Некрасова о трагической судьбе русской крестьянки. Потеряв любимого супруга, Дарья осталась одна с тремя детьми. У неё нет возможности долго плакать и тосковать: чтобы выжить, нужно трудиться в поте лица. Теперь на плечи вдовы легла вся тяжёлая мужская работа — после похорон Дарья едет в лес, чтобы наколоть дров и согреть осиротевший дом. Там несчастную женщину замечает Мороз-воевода. Пленившись красотой Дарьи, повелитель зимы целует её, навеки погружая в сладостный сон.

Николай Некрасов
Мороз, Красный нос

Школьная библиотека

Н. А. НЕКРАСОВ

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

РИСУНКИ А. ПАХОМОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА 1965

* * *

СЕСТРЕ

Ты опять упрекнула меня,
Что я с Музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с Музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалося сердце с печали
И на чью они грудь упадали свинцом
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,

Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмиревшую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила

Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала…

И дрожит и пестреет окно…
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут…
……

Часть первая
Смерть крестьянина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети[1],
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

---

[1] Сноски: 1
Подклеть — нижний ярус избы; зимой служит хлевом для мелкого скота.

Века протекали — все к счастью стремилось,
Все в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только Бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна…
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит…

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха

И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,

И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

V

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой

Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои…

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;
Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!»
(У старого вырвалось слово)
«Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,

Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел… по дороге шагает…
Нет солнца, луна не взошла…
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла…

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: — Ничего. —
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего…

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской

В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:

Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровой,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,

И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит —
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылой!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил…

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,

Слезами горючими нам!

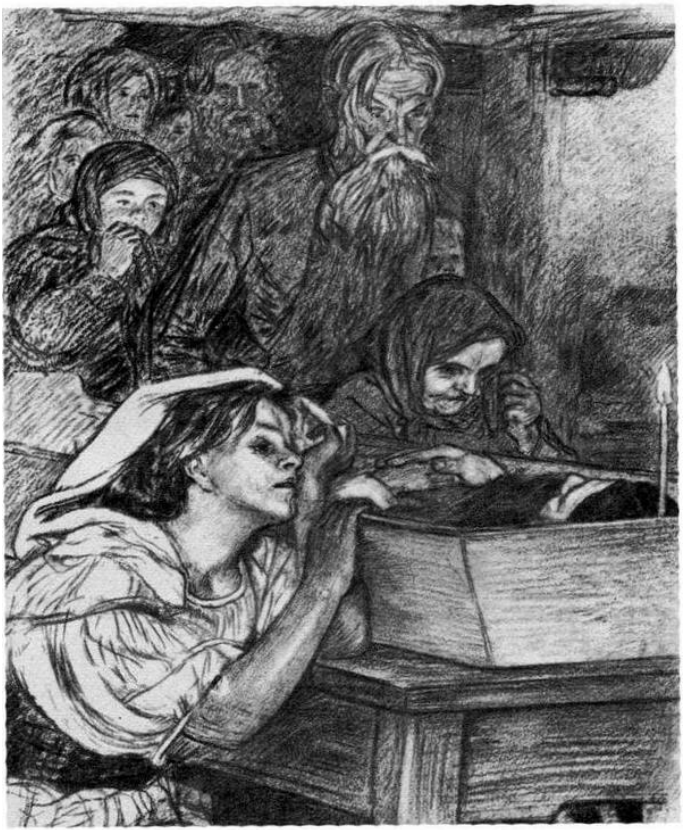
Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили:
„Покушай, желанный, родной!“

А сами напротив бы стали —
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

X

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки

Пронзительным свистом сверчок.

XI

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,

Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.

Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!

Да видно хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

XII

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Все худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...

Всему покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик[2] *сергачевский Федя —*
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленной
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал

И умер…

---

[2] Сноски: 2
Ходёбщик — торговец-разносчик.

XIII

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет», —
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал. — Благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки,
Уж как тебя Бог выручал,
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел,
«Да, вот она, жизнь человечья!» —

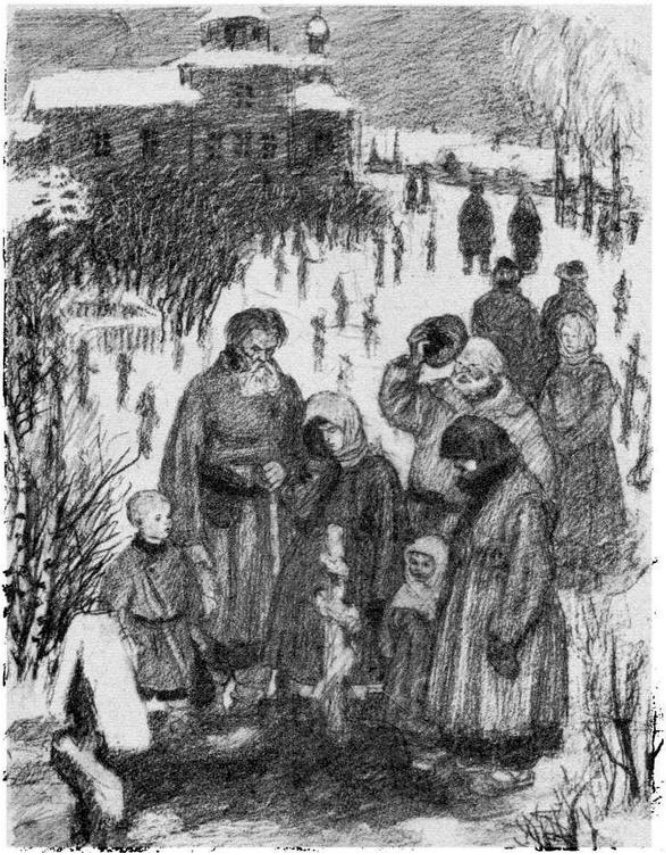
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с Богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатой
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой,
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
*Гляди-тко!..» — народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая
Мороз, Красный нос

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит, и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья все выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени[3],
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,

---

[3] Сноски: 3
Пени — жалобы.

Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорвиголова, —
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы все льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —

До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — и, смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет…
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, — не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит…

XIX

.....

.....

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать![4]

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться

---

[4] Сноски: 4

Известная народная игра, «*сеять мак*». *Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще маком бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек. *(Примеч. Некрасова.)*

Будем, желанный ты мой!..

XX

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку,
Солнышко ярко горит.

Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,

Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимой, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...»

XXI

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метать-
ся,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку, —
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,

Видишь — зерно потекло…[5]

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло…

[5] Сноски: 5

«*Видишь— зерно потекло…*» — зрелое зерно стало само высыпаться из колоса.

XXII

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,

Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Савастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы Господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,

Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем…

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста… Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить, —
Стали на свадьбу копить понемногу…
Вот — дождались, слава Богу!

Чу! бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,

Хмелем осыпь молодых!..[6]

XXIV

Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор![7]

---

[6] Сноски: 6

Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства. *(Примеч. Некрасова.)*

[7] Сноски: 7

Мирской приговор — решение деревенского схода.

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись…
Горькие мы сироты!..

XXV

«Я ль не молила Царицу Небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч…

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу…
К полночи стало страшней, —

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу,

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве Пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! все отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С Божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул Господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,

Как покатилась звезда?

Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду…
Нет! не допустит Царица Небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом…

Сила-то в нем богатырская,
Милостив Бог, не умрет…
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилася земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

Долго меня продержали —

Схимницу[8] *сестры в тот день погребали.*

Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцаловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писаный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,

---

[8] Сноски: 8
Схимница — монахиня.

Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к ней.

Много Владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих…
Знаю, Владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу…

Только Ты милости к нам не явила!
……
……
Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу…»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

— Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною

И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой... —
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

— Тепло ли тебе, молодица? —
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
— Тепло ли?.. — «Тепло, золотой!»

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
— Тепло ли? — промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

«Бог помочь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
— В горохах, — сказала старуха.
«Гришуха!» — отец закричал,

На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы...» Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:

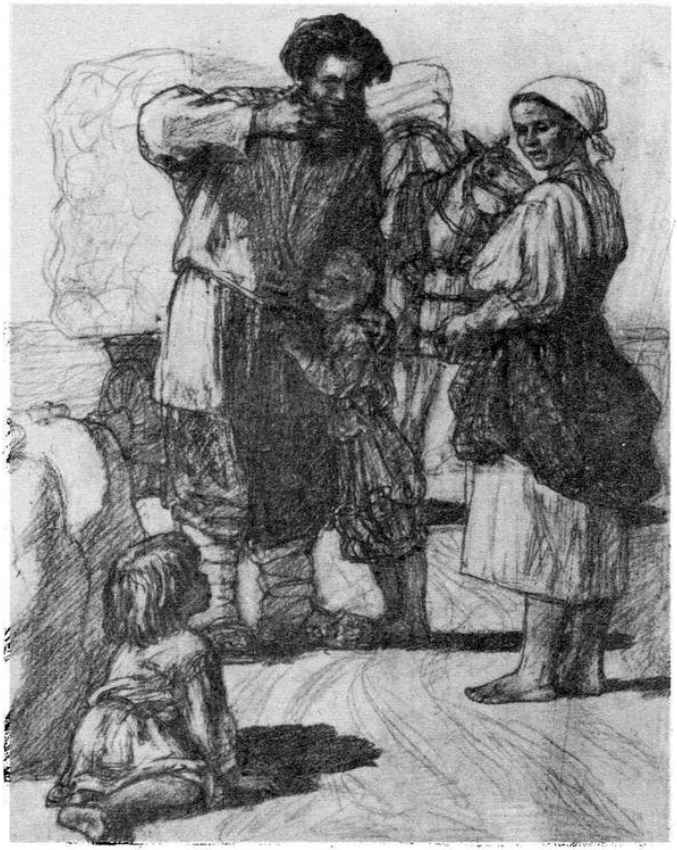
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!»
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятька, с собой!»
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного! —
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.

В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный… Но вот
Послышался шорох случайной —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне…

1863–1864

Корней Чуковский
О поэме «Мороз, Красный нос»

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Смерть крестьянина 5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мороз, Красный нос 27

Корней Чуковский

О поэме «Мороз, Красный нос» 57

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Некрасов Николай Алексеевич

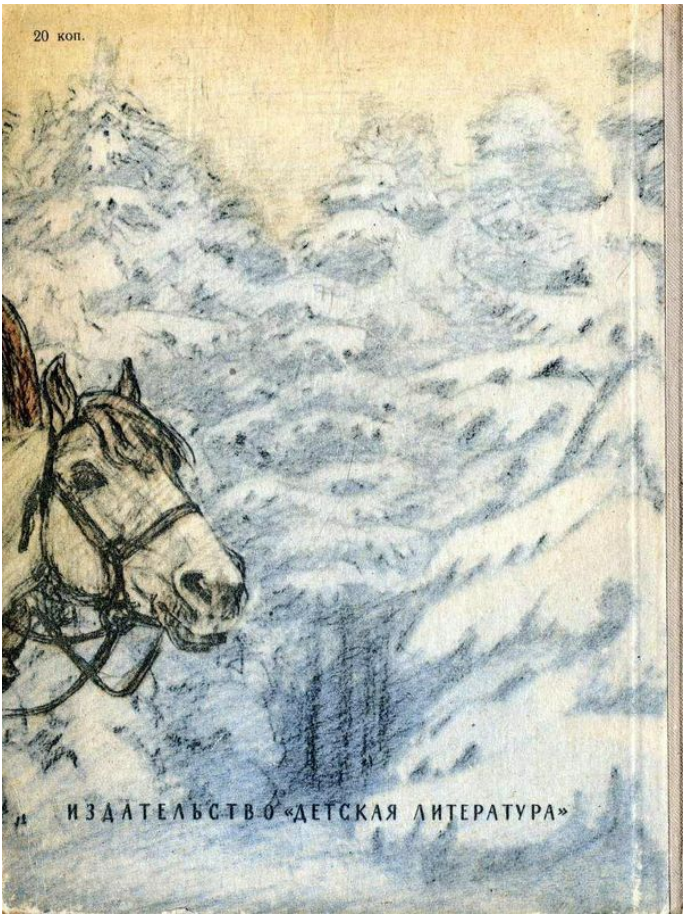
МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Ответственный редактор
Л. П. Шувалова
Художественный редактор
Г. Ф. Ордынский
Технический редактор
И. П. Данилова
Корректоры
Н. М. Кожемякина и *К. П. Тягельская.*

Сдано в набор 13/VI 1964 г. Подписано к печати 21/XII 1964 г. Формат 70×90¹/₁₆. — 5 печ. л. 5,85 усл. печ. л. (3,44 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз. ТП 1964 № 170.
Цена 20 коп.

Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по печати.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 311.

20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

I

В своих воспоминаниях о Некрасове один из его современников, хорошо знавший его в течение десятков лет, отозвался о нем так:

«Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой… не заботящийся о завтрашнем дне, когда сегодня надо помочь другому».

Чудесные душевные свойства Некрасова отразились в его поэзии. Ее основной источник — горячее сочувствие угнетаемым людям:

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

«Кому на Руси жить хорошо»

Эту свою заповедь Некрасов не нарушал никогда. Он называл свою музу «печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страданий и оков». Он так и говорил о революции: «великое дело любви».

Но как бы ни были искренни и благородны убеждения Некрасова, он не мог бы воздейство-

вать ими на многие и многие поколения русских людей, если бы был слабым, неискусным писателем, неумело владеющим поэтической формой.

В чем же заключалась великая художественная сила Некрасова?

Прежде всего — в реализме, но не в том равнодушно-протокольном, фотографическом воспроизведении действительности, которое прикрывается иногда этим названием. Реализм Некрасова был лирически страстен, исполнен то яростной злобы, то порывистой нежности. В стихотворении «Элегия» поэт говорит о себе:

Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю.

Здесь дана точная формула его реалистического отношения к миру. Изобразить или отразить современную жизнь — этого ему было мало, он жаждал преобразить, переделать ее. Его реализм был действенным. Это был реализм борца.

«Где народ, там и стон», — говорил Некрасов о порабощенном крестьянине.

Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;

Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи…

«Размышления у парадного подъезда»

И о бурлаках, которые стонали на Волге:

Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах.

«Княгиня Грибецкая»

Однако из некрасовских образов безрадостными были только те, в которых для поэта отражался временный порядок вещей, обреченный историей на слом. Самое сознание, что этот порядок «не будет же вечным», что он ограничен определенным периодом времени, придавало оптимистический смысл наиболее скорбным некрасовским образам.

Пусть сын Орины «погас, словно свеченька», пусть в Матрене Корчагиной «нет косточки неломаной, нет жилочки нетянутой» — все эти ужасы обусловлены душегубным общественным строем, который рано или поздно должен рухнуть, и тогда для русского народа не будет помехи развернуть свой неисчерпаемо богатые духовные силы. Восхищаться этими духовными силами Некрасов умел, как никто. Таким восхищением проникнута вся его поэма «Мороз, Красный нос»,

которая, несмотря на свою внешне печальную тему, так и пыщет радостными чувствами. Поэт радуется русскому народу, его силе и правде, этим несокрушимым устоям его бытия.

Некрасов был убежден, что после этой поэмы ему придется навсегда прекратить свое творчество.

Я последнюю песню пою, —

говорил он, обращаясь к сестре — Анне Алексеевне Буткевич[9], во вступительных стихах к этой поэме.

К счастью, песня оказалась далеко не последней: впереди у поэта было еще около двенадцати лет плодотворной и вдохновенной работы.

Но политическая жизнь в России была в ту пору такой тяжелой, что Некрасову действительно могло показаться, будто дальнейшее творчество для него уже невозможно.

Поэма писалась в 1863 году, то есть в то самое время, когда правительство Александра И, испу-

---

[9] Сноски: 9

Сестра поэта, Анна Алексеевна Буткевич (1823–1882), которой посвящена поэма «Мороз, Красный нос», всю жизнь была в дружеских отношениях с братом. Незадолго до смерти он писал ей:

> «Моя усталая, больная голова привыкла на тебе, на тебе единственно во всем мире, останавливаться с мыслью о бескорыстном участии».

ганное революционным подъемом, начавшимся после Крымской войны, выступило в поход против передовой демократии; оно приостановило некрасовский журнал «Современник», арестовало Н. Г. Чернышевского, заключило в крепость Д. И. Писарева. Обыски и аресты в среде молодежи стали обычным явлением.

Естественно, что в эту мрачную эпоху Некрасов испытывал очень тяжелое чувство. Оттого он и говорит в своем обращении к сестре, что его «последняя песня»

Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней…

Но чувство безнадежности было чуждо Некрасову. Он верил, что победа реакции временная и что окончательным победителем будет революционный народ.

Даже эта поэма, которую он сам называет печальной, свидетельствует о его оптимистической вере в будущее торжество народа. Всеми ее величавыми образами Некрасов убеждает читателя, что, как бы ни была в ту пору мучительна крестьянская жизнь, сами крестьяне так мужественны, так богаты огромными духовными

силами, что нет на свете такого врага, которого не могли бы они сокрушить в борьбе за всенародное счастье.

В поэме изображены муж и жена — Прокл и Дарья, крепко сплоченные крестьянским трудом. В лице Дарьи поэт воспевает прекрасную, благородную, трудолюбивую славянскую женщину. Прокл — такой же замечательный труженик.

Вообще не было в тогдашней литературе другого поэта, который в такой же мере имел бы право называться поэтом труда.

Самое это слово труд звучит в его поэзии особенным звуком, словно оно написано более ‘крупными буквами, чем все остальные слова. Так не звучало оно ни у. одного из других поэтов дореволюционной эпохи. За всеми рельсами, насыпями, мостами и шпалами, о которых пишет Некрасов в «Железной дороге», он увидел раньше всего рабочие руки, которые создали их. Человек как работник, человек за работой, человек, работа которого характеризует собой его личность, еще никогда до Некрасова не. занимал такого огромного места в русской поэзии.

Поэма «Мороз, Красный нос» по глубокому проникновению в жизнь крестьян, по могучей изобразительной и лирической силе едва ли не

превосходит все, что сказано в поэзии о радостях и муках труда.

Биография обоих героев поэмы, и Прокла и Дарьи, представлена здесь-в виде ряда непрерывных работ, чередующихся одна за' другой, которые и описываются в поэме то подробно, то бегло, но с неизменным сочувствием.

В самом начале поэмы, даже прежде чем мы увидели Дарью, нам уже показаны ее «быстрые руки», работающие «проворной иголкой».

Потом мы видим ее с топором:

Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Потом мы видим ее в поле — она пашет, идет за сохой:

До ночи пашню пахала.

Потом она берется за косьбу:

Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Потом в руках у нее «проворные» грабли:

Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?...

Потом она становится жницей — и две главы (двадцать первая и двадцать вторая) посвящены ее работе с. серпом:

Солнышко серп нагревает,

Солнышко очи слепит.

Потом она за ткацким станком: «Лишь бы не плакали оченьки, стану полотна я ткать», потом она за прялкой (в двадцать пятой главе}:

Веретено мое прыгает, вертится,

В пол ударяется.

Потом она на огороде: копает картофель, и Некрасов с такой зоркой любовью следит буквально за каждым движением ее быстрых, не знающих праздности рук, что его любовь передается и нам, как будто мы и сами участвуем в этих работах.

Здесь целая энциклопедия крестьянских работ, причем вся ‘огромная художественная сила поэта уходит на то, чтобы возвеличить, прославить крестьянское труженичество, вознести его в область высокой поэзии.

Ставшее могучим народным инстинктом, трудолюбие русских крестьян прославлено Некрасовым в образе «величавой славянки», для которой весь ее трудовой обиход — любимая,

родная стихия:

Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Эта «женщина русских селений» до такой степени проникнута верой в спасительность труда, что все свои отношения к людям определяет исключительно трудом: «Не жалок ей нищий убогий: вольно ж без работы гулять!» Именно в этом извечном трудолюбии масс Некрасов видит неколебимые устои их жизни. Он так и говорит о своей героине:

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде…

Здесь еще одна небывалая тема, введенная в поэзию Некрасовым: женщина как участница общенародной работы. Некрасов навсегда утвердил в русской лирике веру, что поэтизация женщины возможна не только в сфере любовных отношений, но главным образом на основе признания беспримерно-огромной работы, которую несла и несет она в мир.

И Прокл — в такой же работе. Даже когда он умирает, его работа остается главнейшей чертой его личности, затмевающей собой все остальное:

Уснул, потрудившийся в поте!.

Уснул, поработав земле!

И когда он уже лежит на столе, Некрасов раньше всего отмечает его рабочие руки:

Большие, с мозолями руки,

Подъявшие много труда…

И характерная подробность, рисующая эту атмосферу труда: когда старик проводит с умершим сыном последнюю ночь, он и то не может оставить свои руки в бездействии:

Старик бесполезной кручине

Собой овладеть не давал:

Подладившись ближе к лучине,

Он лапоть худой ковырял.

Здесь, в этой мелкой подробности, вскрывается краеугольная тема поэмы: непревзойденное трудолюбие народа, та ничем не искоренимая жажда труда, которая еще раньше заставила одного из некрасовских героев воскликнуть:

Эй! возьми меня в работники,

Поработать руки чешутся!

«Дума»

Некрасов не раз в своих стихотворениях свидетельствовал, что бездействие мучает этих людей, как болезнь, что работа определяет собою все основы их морального кодекса и является, так сказать, нормою их бытия.

Замечательно, что в эту поэму, равно как и в поэму «Кому на Руси жить хорошо» {которую Некрасов начал писать в том же 1863 году), он вводит сказочные образы, внушенные ему русским фольклором. В одной поэме — скатерть-самобранка и волшебная птица, в другой — знаменитый Мороз-воевода. Но, повторяю, это не мешает обеим поэмам быть величайшими образцами реалистического искусства. Ибо реализм Некрасова — не в рабском копировании мелких подробностей' быта, а в широко обобщенных, типических образах, причем каждый образ воссоздан с такой страстной любовью, с таким ,восхищением, что всю поэму можно назвать патриотическим гимном во славу русского трудового народа.

В поэме вскрывается горькое убожество старорусской деревни. И все же поэта никогда не покидало сознание, что русский народ, несмотря на нужду и тысячелетнее рабство, сохранил то светлое и глубоко-человечное отношение к миру, которое так поэтически выразилось в предсмерт-

ных воспоминаниях Дарьи.

В. деле поэтического изображения крестьянских работ, представленных читателю не в виде какого-то постороннего зрелища, а в виде переживаний самого же крестьянина, у Некрасова был единственный достойный предтеча — Кольцов, которого он чтил и любил как родоначальника подлинно народных стихов. о народе. Наряду с Жуковским, Пушкиным. Лермонтовым, Крыловым он называл Кольцова «светилом русской поэзии», которое «светит своим собственным светом, неё заимствуя ничего у другого». В позме «Несчастные» он назвал его песни «вещими». В этих песнях выразилось с наибольшею силою то присущее русским крестьянам упоение трудом, которое, как было сказано выше, прославляется и в произведениях Некрасова. Но, по Кольцову, процессы труда всегда и неизменно доставляют крестьянам радость:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Зашуми, трава,
Подкошенная!

«Косарь»

В стихотворениях Кольцова «люди сельские»

воспринимают и пахоту, и сев, и косьбу как некий долгожданный и радостный праздник, и отсюда эта знаменитая песня, которую поет у Кольцова крестьянин во время своих повседневных работ:

Весело на пашне.
Ну! тащися, Сивка!..
Весело я лажу
Борону и соху…
Весело гляжу я
На гумно, на скирды…

«Песня пахаря»

Но в трагических условиях рабства это воспетое Кольцовым отношение русского человека к труду как к источнику радости было осквернено и поругано. Подхватив эту тему Кольцова, его преемник Некрасов внес в нее свои поправки. Он не уставал повторять, что даже для такого трудолюбца, как русский народ, работа под крепостническим гнетом превращается в каторгу. Напомним хотя бы образ пахаря в поэме «Дедушка»:

Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя;. едва
Тянет косулю клячонка,

С голоду еле жива!

Трудно представить себе, чтобы этот некрасовский «пахарь угрюмый с темным, убитым лицом» мог пропеть своей голодной клячонке песню кольцовского пахаря:

Весело на пашне…
Ну! тащися, Сивка!..

Да и кольцовский косарь — до чего он не похож на некрасовского! Этот не скажет о своей «вострой косе»:

Мне давно гулять
Но траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелося.

«Косарь»

Для него работа не гулянье:

Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
`Там рать-орда крестьянская
По кочам, но зажоринам
Ползком ползет с плетюхами,

Трещит крестьянский пуп!

«Кому на Руси жить хорошо»

Поэту ли революционно- демократических масс воспевать сладость труда в стране, разделенной на «рабов» и «властителей»!

Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
— За крошку хлеба капля пота.

«Медвежья охота»

Да и эту крошку отнимают «властители»:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

«Кому на Руси жить хорошо»

Что народный труд был в тогдашней России мучительством, это знали и видели многие, но Некрасов первый и единственный из русских поэтов закричал об. этом во весь голос, как закричал бы сам многомиллионный народ, если бы не был обречен на безмолвие.

Некрасов не оставлял этой темы до конца своих дней. Не было таких деревенских работ, кото-

рых он не отразил бы в поэзии; недаром в его лексиконе занимало такое заметное место крестьянское слово «страда», всегда ощущавшееся им как «страдание». И такова уж гениальная способность Некрасова делать нас участниками чужого страдания, что во время чтения этих стихов мы не только со стороны наблюдаем за теми жестокими пытками, которыми терзает человека работа, но вместе с ним переживаем его пытки и сами. Он не просто показывал нам эти страдания издали, но всякий раз как бы перевоплощался в изображаемого им человека, тем самым заставляя и нас сопереживать его боль. Когда мы, например, читаем у него строки о жнице, мы как бы сами становимся ею и все ее ощущения становятся нашими:

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,

Спинушка: ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят…

Еще экспрессивнее другое описание жатвы — в стихотворении «В полном разгаре страда деревенская», где читатель до такой степени вовлечен в мучительные переживания жницы, что физически, буквально физически, чувствует себя участником этой страды.

Только что в поэме «Мороз, Красный нос» мы прочли знаменитые строки:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц…
. . . . . .
В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет! —

как тут же в ближайших стихах обнаружива-

ется, что и это богатое изобилие жизненных сил преждевременно обречено на оскудение:

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Чем сильнее восхищала Некрасова пышно цветущая жизнь, тем мучительнее была для него ее слишком ранняя гибель в трагическом русском быту.

Едва только ‘явилась перед ним (в стихотворении «Тройка») пышушая здоровьем красавица, жизненные силы которой так и бьют через край, как он уже заранее знает, что этому цветению жизни суждено отицвести раньше времени:

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

Эту «роковую судьбу» всякого изобилия жизненных сил Некрасов отмечал в своей поэзии всегда. Матрена Корчагина, героиня поэмы «Кому. на Руси жить хорошо», внучка «богатыря

святорусского»— «осанистая. женщина, широкая и плотная», но проходит несколько лет, и она тоже отцветает до времени:

По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплачённые,
И плеть по мне прошла!

Именно потому, что Некрасов так взволнованно. любил полнокровную, пышно цветущую жизнь, он был до такой степенй чуток к ее ущербу, увяданию и гибели. И тем сильнее была его ненависть к царившим в тогдашней России порядкам, что, по его убеждению, они-то и губили в течение многих веков присущие народу богатырские силы:

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.

Все живое, все доброе косится…

«Смолкли честные, доблестно павшие…»

Борьба с этим гибельным строем, которым «косится» все «живое и доброе», не могла не оставить своего отпечатка на самой форме стихотворений Некрасова, на всем его поэтическом стиле.

II

Одно из самых совершенных произведений Некрасова— поэма «Мороз, Красный нос», написанная в пору, когда он вполне овладел своим стилем, — есть, в сущности, собрание песен, связанных между собою лишь самыми необходимыми звеньями повествовательного стиха. Первая часть поэмы включает в себя следующие в высшей степени певучие песни: «Три тяжкие доли имела судьба», «Голубчик ты наш сизокрылый», «Ну, трогай, Саврасушка! трогай».

Вторая часть вся сверху донизу переполнена песнями; «Голубчик, красавицу нашу», «Умер, не дожил ты веку», «Стала скотинушка в лес убираться», «Овод жужжит и кусает», «Сон мой был в руку, родная», «Долги вы, зимние ноченьки», «Стадо у лесу у темного бродит», «Я ль не молила царицу небесную?», «Лето он жил работаючи», «Вся ты, тропина лесная», «Вглядись, молодица, смелее», «Тепло ли тебе, молодица?»

Итого девятнадцать песен. Остальные фрагменты — повествовательного типа, но и они нередко преображаются в песню:

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит,
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит.

Вначале Некрасов удерживается на линии сказа, в пределах строго повествовательных форм, но в конце концов всецело отдается во власть песнопения.

Как известно, народ постоянно обращается с местоимением ты или вы ко всему, о чем он поет в своих песнях.

«Ты, заря ль моя, зорюшка!» — «Ты, поле мое, поле чистое!» — «Ты, дубровушка, ты, зеленая». — «Долина ты моя, долинушка». — «Ты, пчела ли моя, пчелонька!» — «Ты, береза моя кучерявая». — «Спасибо тебе, банюшка». — «Вы падите-тко, горючи мои слезушки».

Едва только народный певец упоминает о каком-нибудь лице или предмете, он обращается к ним непосредственно с прямой речью, так что из объектов его созерцания они становятся его собеседниками. Если, например, в песне появилось упоминание о ведрах:

По воду ходить, со горы ведра катить,
—

можно заранее сказать, что в одной из ближайших строк появится прямое обращение к ведрам:

Ой, ведрышки мои, станьте полным-полны!

А если в песне упомянута гармонь, можно заранее сказать, что в одной из ближайших строк появится прямое обращение к ней:

Ты, гармонья, моя матушка!

Эти особенности народного творчества очень. отчетливо представлены в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», героиня которой разговаривает с живыми и неживыми предметами:

Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!..

Вся ты, тропина лесная!..

Крепче вы, ноженьки, стойте!..
Белые руки, не нойте!..

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся…

Поцеловала и я, недостойная,

Белую ручку твою!..

Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

Эта присущая народной поэзии система обращений с прямою речью к любому лицу и предмету отразилась в поэзии Некрасова постоянными переходами от третьего лица ко второму, постоянными прямыми обращениями к предметам своего повествования.

Поэма «Мороз, Красный нос» — вершина некрасовского творчества. Замечательно, что, начав ее в анапестическом и амфибрахическом ритме, он, когда дело дошло до наиболее задушевных и волнующих лирических мест, обратился к дактилю. Эти десять дактилических глав поэмы «Мороз, Красный нос» (начиная с XX главы, со слов «Станут качать», до XXX главы) по пластичности и многообразию ритмики — непревзойденное явление даже в поэзии Некрасова. Четырехстопные, трехстопные, двухстопные дактили легко и свободно переливаются здесь из одной вариации в другую, причем каждому чувству и каждому образу соответствует своя вариация:

Станут качать,

Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!..

. . . . . .

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

. . . . . .

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну...

Здесь мастерство Некрасова в области многообразия дактилических ритмов проявилось с невиданной силой, которая и до настоящего времени остается в русской поэзии единственной.

Некрасов никогда не заботился о нарядной красивости создаваемых им стихов. Многие формы его демократической поэзии нередко возмущали реакционных критиков, которые в многочисленных журнально-газетных статьях называли его поэзию «вульгарной», «топорной»,

«корявой». Они были преднамеренно слепы к его мастерству, к его смелой новаторской технике, к его изумительной песенной силе.

Но Некрасов умел презирать их суждения.

...мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру, —

сказал он в поэме «Уныние», разумея под читателем-гражданином революционно настроенную демократическую молодежь того времени.

Когда какой-то критик из реакционного лагеря стал нападать на стихотворения Некрасова, поэт горделиво ответил ему:

Против твоей я публики грешу.
Но только я не для нее пишу.

Те, для кого он писал, видели в нем выразителя своих собственных чувств и мыслей. Форма его стихов, именно вследствие своей демократической направленности, была в их глазах прекрасна.

Добролюбов писал в 1860 году от лица революционной демократии: «Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотою Пушкина и силою Лермонтова: умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений

Кольцова». Из дальнейших его статей можно было понять, что этот поэт уже есть и что этот поэт— Некрасов.

В одном из своих писем Добролюбов говорил о Некрасове:

> «Любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила».

III

«Сейчас я прочел Ваш „Мороз“, — писал Некрасову сын декабриста Волконского. — Он пробрал меня до костей — и не холодом, а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение. Ничто до сих пор мною читанное не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каждое так и бьет вас по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому. Художественность же, с которой изложен Ваш рассказ, а главное, теплота чувства, которым он дышит, просто перевернули меня. Дайте мне возможность поделиться им с моим отцом, доказавшим на деле, как он любит русского мужика. Пришлите мне один экземпляр, а я тотчас же отправлю его в письме моему отцу в Италию. Он скажет Вам за него в душе самое искреннее рус-

ское спасибо».

Хотя в поэме «Мороз, Красный нос» нет, казалось бы, никаких элементов политики, стоит только учесть историческую обстановку, под воздействием которой эта поэма возникла, и ее политический смысл станет вполне очевиден: нужно было воодушевить потерпевшую крушение армию революционных бойцов, показав им, как прекрасен народ, за который они отдают свои жизни, и сколько в этом народе накоплено сил для предстоящей борьбы.

Недаром поэзию Некрасова так высоко ценил В. И. Ленин. Н. К. Крупская сообщает, что в сибирской ссылке Владимир Ильич «перечитывал по вечерам вновь и вновь» стихотворения Некрасова. Часто в своих статьях и речах Ленин подкреплял свои мысли некрасовскими стихами. Всякому, кто прочтет такие статьи Ленина, как «Памяти графа Гейдена» и «Еще один поход на демократию», станет ясно, что в глазах великого революционного вождя Некрасов был одним из народных заступников, разоблачителем «хищных интересов», «лицемерия и бездушия» командующих классов России.

Ни отчаянная нищета трудящихся масс того

времени, ни их беспросветное рабство не поколебали веры Некрасова в то, что они завоюют себе счастливое будущее, и всякий раз, когда он заговаривает об этом будущем счастье народа, его сумрачный стих становится неузнаваемо светел:

Русь не шелохнется,
Русь— как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,

Матушка-Русь!..

«Кому на Руси жать хорошо»

«Золото, золото сердце народное!..» Некрасов не только провозгласил эту истину, но и воплотил ее в широко обобщенных поэтических образах. Вся поэзия Некрасова— это ожидание, предчувствие той светлой эпохи, когда оправдается его непоколебимая вера в могучие силы народа:

Жаль только — жить в эту пору прекрасную

Уж не придется — ни мне, ни тебе, —

печалился он в поэме «Железная дорога». Но мы, его потомки, никогда не забудем, как много сделал Некрасов своей гениальной поэзией для того, чтобы это время пришло.

К. Чуковский.